

Даниленко Е.П.
**ИЗЪЯТИЕ ЦЕРКОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ВИРОВЛЯНСКОЙ
СВЯТО-УСПЕНСКОЙ ЦЕРКВИ ГОРОДОКСКОГО УЕЗДА В 1922 ГОДУ**

Городокский район – край с богатой историей. Некогда в каждой волости здесь стояли храмы, деятельность которых была тесно связана с жизнью людей. Рождение, смерть, бракосочетание, праздники и многое другое происходило с обязательным участием церкви. Сегодня от многих храмов остались лишь заросшие мхом камни бывшего фундамента, фрагментарно сохранилась документация, которая обязательно велась всеми церквями, а церковные ценности и вовсе пропали.

История пропавших вещей из храмов поросла во многом слухами и предположениями: кто и когда их забрал, куда делась вся золотая и серебряная утварь, бесценные рукописные иконы и как выглядели эти вещи. Получить ответы на эти и другие вопросы сегодня практически невозможно, однако, когда и кем было положено начало, можно узнать с помощью архивных документов.

Вскоре после Октябрьской революции, уже в январе 1918 года был принят «Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви». Началась борьба советской власти с церковью. В 1920 году на землях Поволжья выпало мало осадков, а в 1921 году началась сильная засуха. Поля, на которых выращивался урожай, превратились в степи. Начался сильный падеж скота. В целом, бедственная ситуация не зашла бы так далеко, если бы не продразверстка, которая забирала практически все, что в последствии лишило возможности в следующем году крестьянам снова засеять землю. Люди умирали десятками, а рождаемость упала до нуля. Дети умирали от болезней и голода. От безысходности обезумевшие люди были вынуждены питаться трупами, процветал каннибализм. А начавшаяся эпидемия тифа не позволяла эвакуировать население. Государство не могло в полной мере оказать помощь голодающим регионам.

В 1921 году православное духовенство добровольно согласилось на сбор пожертвований в пользу голодающих, но этих средств было недостаточно. Советская власть использовала ситуацию для очередного удара по церкви. В 1922 году вышло постановление президиума ВЦИК «О ликвидации церковного имущества».

В Городокском уезде кампания по изъятию ценностей развернулась в марте 1922 года. 11 марта председателю уездного исполкома и уездного комитета партии пришла телеграмма за подписью члена ВЦИК Сперанского, в которой значилось: *«Немедленно организуйте Упункомиссию по изъятию церковных ценностей в вашем уезде...»* [1, л. 1].

22 марта было проведено заседание Витгубкомиссии по изъятию церковных ценностей в пользу голодающих, где были выдвинуты вопросы о положении голодающих Поволжья. В докладе тов. Гуревича приводились статистические данные, согласно которым голодающих значилось более 21 миллиона человек и эти люди дошли до грани голодного ужаса, ели трупы умерших, учащались случаи массового самоубийства целых семей. В Витебскую губернию было эвакуировано более 40 000 человек, которые прибыли больными, зараженными инфекционными заболеваниями. Государство в силах было помочь только на 10% и помощь эта шла от пролетариата, рабочих, красноармейцев и отчасти крестьян. Этого недостаточно, чтобы помочь всем, потому в докладе было отмечено, что для помощи голодающим следует изыскать все средства.

После доклада высказались представители различных религиозных конфессий о том, что оказать помощь необходимо немедленно, но при этом, нужно учитывать вопросы возможности проведения религиозных обрядов. Другими словами, отдать только то, без чего можно обойтись [1, л. 12–12об].

После данного заседания 30 марта 1922 года было проведено заседание Городокской уездной Подкомиссии, где были рассмотрены инструкции и постановления ВЦИК и Губкомиссии по изъятию ценностей из храмов и молитвенных домов. Уже 3 апреля были изучены описи имущества храмов, а на 5 апреля было назначено совещание с представителями религиозных культов уезда, целью которого было обсуждение вопроса изъятия ценностей с самими священнослужителями [1, л. 14].

Для производства учета ценностей была создана комиссия в составе Председателя – представителя комиссии по Изъятию ценностей и Членов от РКИ и соответствующего Церковно-хозяйственного совета. В обязанность комиссии входило проверять наличие ценных вещей, предметов одежды, если предмет по указанию священника необходим для богослужения, то об этом должна была быть отметка в описи. На основании работы комиссии, составлялась опись, которая подписывалась всеми членами комиссии и священнослужителем [1, л. 21об].

На деле ситуация выглядела довольно-таки просто. Однако государственная власть под видом решения острой и страшной проблемы, параллельно решала свою: ослабление церковного влияния и существующего устоя. Из Москвы в Витебский Губком РКП под грифом «совершенно секретно» шли дополнения к прочим документам, в которых значилось: *«внести раскол в духовенство, проявляя в этом решительную инициативу и взяв под защиту государственной власти тех священников, которые активно выступают в пользу изъятия. Разумеется, наша агитация и агитация лояльных священников ни в коем случае не должны сливаться. По нашей агитации мы ссылаемся на то, что значительная часть духовенства открыла борьбу против преступного отношения к ценностям со стороны бесчеловечных и жадных «князей церкви».*

В случае обнаружения в качестве организаторов выступление буржуазных купеческих элементов бывших чиновников и проч. арестовывать их, особенно, если агитация зашла слишком далеко. Видных попов по возможности не трогать до конца кампании не гласно, но официально предупредить их, что в случае каких-либо эксцессов они ответят первыми».

Сам процесс изъятия ценностей требовалось провести в кратчайшие сроки и начинать с той церкви, во главе которой стоит «лояльный поп» или с наиболее значительного храма. В момент изъятия на всех улицах должны быть коммунисты, которые должны тщательно выяснять обстановку [1, л. 29–29 об].

В этот период активно проводилась газетная кампания, политическая задача которой была *«расколоть попов, или в корне углубить и заострить существующий раскол. Политическая задача состоит в том, чтобы изолировать верхи церкви, скомпрометировать их на конкретнейшем вопросе помощи голодающим, затем и показать строгую рабочую руку Рабочего Государства, поскольку эти верхи осмеливаются восставать против него. Секретарь ЦКРКП Молотов от 23 марта 1922 г. «совершенно секретно»* [1, л. 30].

Помимо газетной кампании среди агитаторов распространяли заранее заготовленные листовки с лозунгами, были проработаны и расписаны ключевые тезисы к проведению кампании на территории Городокского уезда.

Работу по изъятию церковных ценностей по уезду было решено закончить до 15 мая. Со стороны Городокской Уездкомиссии проводились в разное время совещания со священнослужителями уезда. Но священники стремились всячески избегать на них присутствия. В деле достаточно большое количество письменных отказов по разным причинам от священнослужителей Городокского района явиться на заявленные заседания. Так, например, священник Козьянской церкви А. Сахаров ссылался на свой возраст и болезненность, священник Стайковской церкви Л. Заблоцкий ссылался на семейные обстоятельства, священник Тиостовской церк-

ви В. Купалов не доехал по причине разлива ручьев, которые снесли мосты, священник Веречской церкви В. Околович так же ссылался на разливы рек и ручьев, священник Холомерской церкви Г. Бобрицкий не нашел подводы, а пешком идти отказался в силу возраста [1, л. 36, 44 об, 46, 47, 66]. Священник Долгопольской церкви ссылался на зубную боль, при том заявил, что в *«Долгопольской церкви не имеется никаких ценностей кроме потира и дискаса с принадлежностями из серебра, которые крайне необходимы для совершения богослужения»* [2, л. 46].

Священник Вировлянской церкви Леонтий Рублевский так же писал подобное объяснения, ссылаясь на то, что своей лошади у него нет, а выехал он с гражданином из д. Алексеенки. В пути лошадь и сани провалились в реку, пришлось вытаскивать сани из воды. Лошадь выбилась из сил, а священник был весь мокрый и продолжить путь не мог [1, л. 56].

4 мая 1922 года состоялось заседание с представителями религиозного культа уезда с целью разъяснения им декрета и инструкций по изъятию ценностей, а также для возможности им высказать свое мнение. По итогу данного заседания постановили произвести полный учет всех имеющихся ценностей, ценности для проведения религиозных обрядов по возможности заменить предметами из малоценных металлов, а те, что невозможно заменить сейчас, оставить пока не произойдет замена на менее ценные.

Были отражены основные этапы совершения процедуры: изучение инвентарных книг, составление описей, сопоставление фактического наличия ценностей и тех данных, что отражены в книге учета, предусматривалось, что изъятию подлежали не все вещи, а лишь те, без которых возможно проведение обрядов. Вся процедура должна была проводиться в присутствии всех членов комиссии и священнослужителя, что подразумевало под собой согласование момента изъятия и подчеркивало добровольность данной процедуры.

Однако в деле так же следом подшиты и расшифровки, которые отражают несколько иной характер проведения изъятия: *«Изъятие должно проводиться со всей решительностью, без каких-либо поблажек. Конечная цель работы – изъятие полностью из церквей золота, серебра и драгоценных камней»* [1, л. 73–76 об].

6 мая 1922 года члены церковного Совета Вировлянской церкви вместе со священником Леонтием Рублевским проверили наличие всех ценностей церкви по описям 1907 года, хранившиеся в церковной кладовой у старосты. Церковный староста Николай Никитин указал, что бывший священник Вировлянской церкви Павел Лосский, который перешел на службу в д. Азарково, не возвратил дароносицы [2, л. 2].

8 мая 1922 года началось изъятие ценностей в Городокском уезде и первой церковью, где провели изъятие, стала Вировлянская Свято-Успенская церковь.

Комиссия в составе уполномоченного от Городокской уездной подкомиссии по изъятию ценностей из храмов и молитвенных домов Ермакова, представителя Вировлянского волостного исполкома Борисова, Настоятеля Вировлянской церкви, священника Леонтия Рублевского, священника Митрофана Ляшкевича, дьякона Дмитрия Лузгина и церковного старосты Николая Никитина производила изъятие ценностей из Вировлянской церкви, причем изымались все ценности, без которых не нарушается совершение богослужения.

Были изъяты: два серебряных креста 84 пробы вызолоченные в одном отломана нижняя половина ручки, а в другом вогнута верхняя половина ручки; серебряный потир на медной-вызолоченной рукоятке; серебряный потир вызолоченный без пробы; одна серебряная тарелочка 84 пробы; серебряный дискос 84 пробы; звезда серебряная 84 пробы; серебряная лжица вызолоченная 84 пробы; серебряный слиток один с 1/4 фунта.

Фотография места бывшего Вировлянского храма от 08.10.2025 года.

Сегодня на месте некогда величественного здания храма остались обломки фундамента, группой верующих был установлен крест в 2008 году, а при поддержке ВГУ имени П.М. Машерова осенью 2025 года была проведена большая работа по расчистке территории и установлен памятный стенд, дающий краткую историческую справку о церкви и определяющий важность сохранения истории этого места и передачи ее из поколения в поколение.

1. Государственный архив Витебской области. – Ф. 137. Оп 4. Д. 1.
2. Государственный архив Витебской области. – Ф. 137. Оп 4. Д. 2.

Дмитриев М.В.
КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КОЛОНИАЛИЗМА И КОЛОНИЙ
КАК ПРЕДМЕТ «ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ»: ОПЫТ
СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ И НУЖДЫ НАШЕЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Ключевые слова: колониализм, «историческая политика», Франция, историческая память.

1. Перед теми, кто конструирует в школах и в университетах модели исторической памяти современных обществ и теми, кто потом, работая в этих же школах, университетах, в вузах, в сфере медиа, в министерствах, музеях, кино, литературе и т.д., «внедряет» созданные модели (или же создает свои собственные) в общественное сознание, встает задача: как говорить, писать, рассуждать о колониализме и колониальных практиках, которые наложили глубочайшую и мрачную печать на прошлое (да и настоящее!) многих стран. При этом мы отдаем себе отчет: говоря о колониализме, мы почти всегда имеем в виду в первую очередь опыт европейских стран в новое и новейшее время. Одна из этих стран – Франция с её громадной колониальной империей. А французский колониальный опыт может и должен быть сопоставлен с опытом других стран, в том числе и с опытом России. И этот опыт не может не становиться предметом «исторической политики», о которой теперь так много пишут, а «историческая политика» находит одно из своих выражений в том, какое культурное наследие мы сохраняем и пестуем, какое – отодвигаем в тень или критикуем, а какое – хотим попросту забыть. И колониализм становится одной из тем, которую так или иначе приходится трактовать в нашей образовательной, медийной и, вообще, общественной среде. Как это делается во Франции и чем французский опыт может оказаться полезен нам, в России, в Беларуси, в других странах бывшего Советского Союза?